
Кирстен Рутсала*

**ЧИТАЯ ДОСТОЕВСКОГО:
ЗАПИСКИ ИЗ КЛАССНОЙ КОМНАТЫ**

Иногда кажется, что через пропасть, пролегшую между духовным и интеллектуальным миром типичного американского студента и художественным миром Достоевского, невозможно навести мосты. Когда преподаватель русской литературы в американском университете знакомит студентов с произведениями Достоевского, культурные, религиозные, языковые и мировоззренческие различия делают это знакомство нелегким. Попытка увидеть имперскую Россию взглядом Достоевского требует от молодых американцев двадцать первого столетия не только знания русской истории, но и сильно развитого воображения. Усилия, приложенные в этом направлении, неизбежно приводят студентов к растерянности и непониманию, но в то же время они могут закончиться неожиданными прозрениями и открытиями.

Как преподаватель кафедры Иностранных языков, литератур и лингвистики Оклахомского университета — большого государственного учебного заведения на юге американского Среднего Запада — я неоднократно имела возможность читать курс по произведениям Достоевского американским студентам. Этот общеобразовательный курс входит в состав академической программы, разбитой на несколько частей, каждая из которых в свою очередь

* Кирстен Рутсала — профессор-ассистент кафедры Иностранных языков, литератур и лингвистики Оклахомского университета, специалист по пародии и метапародии в русской литературе XIX и XX веков.

включает различные тематические циклы. Так, гуманитарный цикл состоит из нескольких групп курсов, читающихся под «шапками»: Введение в искусствоведение, Западная цивилизация и культура, Незападные культуры. Достоевский без сомнения был бы раздосадован, обнаружив, что в американском университете он представляет Западную цивилизацию и культуру, но, тем не менее, это та группа академических дисциплин, в которую входит мой курс по его произведениям. Чтобы набрать необходимое количество баллов для получения степени бакалавра, студенты, получающие образование в области свободных искусств, могут выбирать курсы из широкого тематического спектра, покрывающего такие далеко отстоящие друг от друга предметы как: барочное искусство и архитектура в Европе, Платон и платоническая традиция, история танца, португало-бразильская цивилизация или политико-социальные аспекты эпохи 1960-х. Некоторые из студентов, записывающихся на мой курс по Достоевскому, изучают русский язык, но абсолютное большинство специализируется в предметах, не имеющих ничего общего с литературой: от инженерных дисциплин и математики до фармакологии и истории философии. Их знания западноевропейской и, тем более, русской литературы, мягко говоря, ограничены. При первой встрече я всегда спрашиваю студентов, почему они выбрали именно мой курс. Ответы обычно указывают на три причины: 1) практические (для академического и рабочего расписания удобны дни и часы курса), 2) интеллектуальные (слышали, что русская литература заслуживает внимания), 3) личные (русские друзья, возбудившие любопытство ко всему русскому). И всегда есть несколько студентов, которые так же, как персонаж из романа В. Набокова «Пнин», убеждены, что, едва выучив русский алфавит, они смогут без особого труда прочитать в оригинале знаменитый русский роман «Анна Карамазова». Студенты, разумеется, читают Достоевского в переводе на английский. Посредничество переводчика зачастую только возводит дополнительный барьер между оригинальным текстом и читателем; однако англоязычному читателю Достоевского повезло: в его распоряжении есть несколько вполне сносных переводов произведений русского писателя. Я склоняюсь к несколько старомодным переводам Констанции Гарнет; ее викторианского извода английский кажется мне наиболее подходящим для передачи стилистических особенностей языка Достоевского, хотя иногда я пользуюсь и но-

выми переводами Певара и Волохонской (Richard Pevear, Darisa Volokhonsky). В любом случае я предупреждаю студентов, что чтение Достоевского в переводе неизбежно искажает оригинал и побуждаю их изучать русский. «Этот язык стоит выучить только за то, — говорю я, — что на нем писал Достоевский».

Для американского студента впервые открыть «Бедных людей» — все равно, что ступить на неизведанную территорию, где почти нет ориентиров, обозначающих путь. Студенты задают множество самых простых вопросов, касающихся фактического материала, содержащегося в повести. Эти вопросы сразу показывают, насколько молодые американцы далеки от художественного мира Достоевского. Что такое «титularный советник»? Почему Варенька не может найти приличную работу? Зачем они пишут друг другу письма, если живут почти рядом? Кто такие Пушкин и Гоголь и почему в переписке героев Достоевского им уделено столько внимания? Однако вопросы, которые студенты не задают, могут быть столь же важны, как и те, которые они задают. Многие студенты без пояснения преподавателя не понимают, что Варенька еще до начала повествования прошла через традиционный кризис героини сентименталистского романа: она была «соблазнена и брошена» Быковым. То, что студенты не догадываются об этом существенном эпизоде Варенькиной биографии, свидетельствует о недостаточном знании литературного и исторического контекста повести. Современники Достоевского сразу улавливали смысл происходящего в «Бедных людях». Изохронный читатель 1840-х годов моментально распознавал эпистолярную форму повести как умышленный возврат автора к старому доброму сентиментализму с намерением возродить и трансформировать это литературное направление. Недаром два центральных персонажа «Бедных людей» одновременно и реалистичные в своей психологии индивидуальности, и условные типажи из сентименталистских текстов: «наполовину человеческие характеры, наполовину литературные трагедии»¹. Стремление Достоевского разомкнуть текстуальные границы сентиментализма и углубить психологию типажей сентименталистского романа может быть по достоинству оценено только читателем, знакомым с требованиями того жанра, который писатель изнутри разрушает. Культурный подтекст повести не нуждался в объяснении для первых ценителей Достоевского. Когда Варенька пишет: «Век буду я плакаться на злых людей, меня погу-

бивших!» — читатель девятнадцатого столетия был способен все прочесть между строк; а в третьем письме Вареньки все вообще сказано без обиняков: «Она говорит, что господин Быков прав совершенно и что не на всякой же жениться, которая... да что писать!» — Многоточие здесь дает читателю понять, что случилось, уточнения ни к чему. Как бы ни было важно познакомить студентов с литературной конвенцией, присутствующей в тексте «Бедных людей», не менее важно, чтобы они понимали культурный подтекст повести. Но едва американским студентам становится ясным прошлое Вареньки, они испытывают недоумение в связи с ее решением выйти замуж за Быкова. То, что честь и репутация молодой девушки отныне запятнаны, и ни один уважающий себя мужчина не возьмет ее замуж — до студентов доходит без труда, но мысль, что единственный человек, который может восстановить ее честь (по крайней мере, частично), — это тот самый господин, который эту честь и запятнал, всегда шокирует их.

Признаюсь, меня долго не переставало удивлять, как студенты истолковывают характер Вареньки. Привыкшая к традиционному прочтению повести, я всякий раз, объяснив им всю тяжесть положения героини Достоевского, ожидала от них хоть какой-то симпатии к девушке и сочувствия ее решению выйти замуж за Быкова, которое она принимает скрепя сердце. Я также полагала, что симпатии студентов будут, естественно, на стороне Вареньки, поскольку они увидят в ней ровесницу, тогда как с Девушкиным, человеком среднего возраста, им будет труднее идентифицировать себя. Однако, хотя в большинстве случаев мои студенты и испытывают сдержанную симпатию к Вареньке, они в целом относятся к ней крайне скептически и даже цинично, а вот Девушкину безусловно сочувствуют. Студенты считают, что Варенька жестока в своем отношении к Девушкину, что она манипулирует им, использует его, чтобы добиться того, чего ей в данный момент хочется (от симпатии, обожания и сочувствия своему несчастью до денег и подарков), а потом бросает его, не давая себе труда задуматься, как это отразится на его душевном состоянии. Когда Варенька умоляет Девушкина не тратить деньги на нее и тут же описывает свою радость от его подарков, студенты не умиляются ее наивностью, а видят в ее словах и поведении хитрость и расчет. Они осуждают бесчувственность Вареньки, когда в последних нескольких письмах она инструктирует Девушкина, как выполнить все ее поруче-

ния, связанные с приближающейся свадьбой. Разумеется, говорят студенты, она прекрасно понимает, какие чувства Девушкин испытывает к ней, поэтому необыкновенно жестоко с ее стороны настаивать на том, чтобы Девушкин принимал участие в приготовлениях к свадьбе; более того, как это бездушно быть такой нетерпеливой с ним и снисходительно-покровительственной по отношению к нему, выражая обеспокоенность, что он может что-то напутать при выполнении всех этих мелких поручений! Я всегда пытаюсь натолкнуть моих студентов на мысль, что за внешней бесчувственностью Вареньки прячется страх перед будущим, что фиксация на мелочах, связанных со свадьбой, отвлекает ее от этого страха, по крайней мере, временно. И хотя студенты соглашаются, что в этом есть доля правды, они тем не менее продолжают сурово осуждать Вареньку. В какой-то степени этот угол зрения возникает из-за того, что молодым американцам трудно уяснить историко-культурный контекст повести. Рассудком они понимают Варенькино положение, но, чтобы представить себя на ее месте и «почувствовать» ее эмоционально, им необходимо сильное воображение, ведь обстоятельства их жизни и их возможности так отличны от Варенькиных! Но и такая интерпретация образа Вареньки тоже имеет право на существование.

Мои студенты, конечно, далеко не первые, кто выделил практическую, эгоистическую сторону этой литературной героини. Варенька, наделенная некоторыми отрицательными свойствами, которые не могут быть ни сочувственно объяснены, ни извинены, выглядит гораздо более убедительным персонажем, чем если бы она была просто жертвой. Да, ее непосредственные литературные предшественницы — безупречные сентименталистские героини, но мы видим, как Достоевский, пересматривая жанровый типаж, трансформирует их, а не просто «пересаживает» в свою прозу. И в самом деле, Варенька отнюдь не аномалия в произведениях Достоевского, а чрезвычайно сложный образ, который во многом предвещает героинь поздних романов писателя. Ее отношение к Девушкину не нуждается в читательском оправдании, и это только прибавляет сложности повествованию. Последние письма Вареньки и Девушкина друг другу подводят итог их отношениям. Уезжая, Варенька оставляет все письма своего корреспондента, и это доказывает, что она в гораздо меньшей степени отдается дружбе, чем он. И хотя она обещает писать Девушкину, определенная нота не-

уверенности сопровождает это обещание, когда она прощается со своим конфидентом: «Я буду вам писать, друг мой, я обещаю, но ведь один Бог знает, что может случиться. Итак, простимся теперь навсегда, друг мой». Более того, она посылает Девушкину незаконченное письмо с одним только обращением к нему и пишет: «Когда будете смотреть на эти начатые строки, то мыслями читайте дальше все, что хотелось вам услышать или прочесть от меня, все, что я ни написала бы вам; а чего бы я ни написала теперь!». То, что Варенька отправляет почти чистый лист бумаги своему другу, метафорически означает одновременно и отсутствие подлинных чувств в ее отношении к нему, и осознание этого отсутствия. Вареньке совершенно ясно, каких писем от нее ждет Девушкин, но она, даже в момент прощания, отказывается играть роль, которую он ей предлагает. Ненаписанное к нему письмо говорит так же выразительно о ее позиции в их отношениях, как последнее письмо Девушкина к ней показывает его отчаянное желание продолжать переписку. Как заметил один из моих студентов, не случайно и первое, и последнее письмо в «Бедных людях» написаны Девушкиным. Он инициирует и развивает их дружбу, и он абсолютно опустошен потерей Вареньки, в то время как она не уверена даже в том, будет ли писать ему в будущем. Хотя интерпретация образа Вареньки, к которой склонны американские студенты, может быть чересчур цинична и категорична, их пронизательность в отношении ее прагматичности и, порой, даже бесчувственности поразительна. На самом деле постоянство, с которым студенты дают Вареньке негативные характеристики, — это первый признак того, что их взгляд на творчество Достоевского может содержать оригинальный, не принятый в традиционной критике подход к его произведениям, и в то же время это предупреждает преподавателя о том, что некоторые основные концепты произведений Достоевского вызовут у них недоумение по множеству причин культурного характера.

При подготовке курса по Достоевскому я надеялась, что областью соприкосновения с русским писателем для американских студентов будет его христианство. Абсолютное большинство моих студентов, как и большинство американцев вообще, определяют себя как приверженцев христианской религии. Многие американские студенты выросли в религиозных семьях и посещали церковь регулярно. Я могла быть уверена, что на каждом курсе по Достоевс-

кому у меня будет большая группа молодых людей с хорошим знанием библейских текстов. И действительно, читая, например, «Преступление и наказание», мои студенты во всех деталях помнят историю Лазаря. По сути дела, они получили такое же воспитание и образование, как и выросший в религиозной семье и знакомый с религиозными обрядами и библейскими текстами с ранних лет Достоевский. Эти схожие обстоятельства и та же самая религиозная вера, как я полагала, должны послужить для студентов проводником к пониманию творчества писателя. Однако мои ожидания не оправдались. На первом же моем курсе по Достоевскому студент начисто отказался считать его христианином вообще. Безусловно, это мнение было радикальным, но оказалось, что оно не редкость среди студентов. Поскольку Оклахома расположена в так называемом «библейском поясе» США, здесь гораздо больше крайне консервативных протестантов-фундаменталистов, чем в других частях страны. Многие из тех, кто придерживается христианства этого извода, отвергают католицизм и православие как «нехристианские вероисповедания» по ряду причин: роль причастия в церковном ритуале, иконопочтение, почитание Священного Предания и т.д. Непосредственный индивидуальный опыт общения с Богом особенно существенен для христиан-фундаменталистов. Этот опыт часто ставится ими в оппозицию любой институционализированной церкви; они считают, что исповедуют не религию, а «личную связь с Богом». Интересно, что упор на «личную связь» с Иисусом Христом, казалось, должен был бы приблизить американских христиан-фундаменталистов к пониманию Достоевского, вера которого видоизменялась и эволюционировала всю его жизнь, но приверженность писателя образу Христа всегда оставалась неизменной. В известном письме Достоевского Н.Д. Фонвизиной эта личная преданность Христу выражена с необыкновенной силой: «Я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28, I; 170). Большинство моих студентов, конечно, готовы признать, что Достоевский был христианином. Од-

нако специфические черты его христианства зачастую приводят их в недоумение, настолько это не похоже на христианство, исповедуемое в США. Концепция самопожертвования в произведениях Достоевского американским студентам, как правило, недоступна. Впервые встречаясь с Соней Мармеладовой, они, конечно, понимают, что, становясь проституткой, она буквально приносит в жертву свое тело; им ясно, что этот трагический выбор сделан героиней Достоевского по страшной необходимости: деньги, которые она зарабатывает проституцией, спасают от голода ее семью. Но подобное — *quid pro quo* (то за это, обмен одного на другое — *лат.*) — понимание Сониной жертвы ограничено и отражает всего лишь второстепенную причину ее поступка. Недаром Достоевский предлагает нам ироническое отражение этой нехитрой интерпретации в оправдании Раскольниковым убийства старухи-процентщицы как совершаемого на благо общества: он ведь не только уничтожит опасного паразита, но и использует старухины деньги на помощь нуждающимся. Понятно, что разница между самопожертвованием и принесением в жертву другого и лежит в основе отличия Сони от Раскольникова. Но и это еще не все. Хотя автор в жизни сам слишком часто испытывал нужду и потому не мог не принимать во внимание трагическую неизбежность выбора, сделанного его героиней, этот выбор в принципе не нуждается в оправдании материальной необходимостью. Рациональное объяснение Сониного выбора предполагает логическое умозаключение, но ведь эта героиня Достоевского сама постоянно демонстрирует, что человек не должен основывать свои поступки на *ratio*. В своем самопожертвовании Соня следует примеру Христа. Она не ищет никаких выгод, и даже высшая для христианина награда — спасение души для нее значит меньше, чем просто возможность жить по Христу. Многие американские студенты с детства усвоили, что Христос был распят во искупление грехов человеческих, что распятие открыло человечеству путь к спасению, и им трудно понять, почему Достоевский, почитающий Христа за высший образец, выдвигает личное самопожертвование в центр своего религиозного кредо, приуменьшая тем самым значение традиционного искупления. Студенты вообще не воспринимают способность героев Достоевского к самопожертвованию как достоинство, и убеждение писателя, что самопожертвование — это единственный для человека способ следовать за Христом, приводит их в недоумение.

Им иногда трудно даже распознать, кто из героев Достоевского действительно жертвует собой. Один из моих студентов, к примеру, старался доказать, что Мармеладов и Соня схожи в этом смысле: оба персонажа приносят в жертву свое здоровье и подвергают себя опасности, Мармеладов — через алкоголизм, а Соня — через проституцию. Другие студенты видели в самоубийстве Свидригайлова акт альтруизма и самопожертвования, а совсем не отчаяния и духовной пустоты².

От американских христиан часто можно услышать выражение: «сердце, созданное для служения» (*servant's heart*) — имеющий такое сердце служит по примеру Христа тем, кто в нужде, не привлекая при этом внимания к собственной персоне; что и является высшей духовной целью для американского христианина-фундаменталиста. Однако различие между таким служением и самопожертвованием значительно. Средний американский христианин сочтет последнее чересчур экстремальным, саморазрушительным и даже небогоугодным. Когда мои студенты не одобряют Соню за то, что она «потворствует» алкоголизму отца и не заботится о себе, они озвучивают именно эту типично американскую христианскую позицию, полностью чуждую Достоевскому. Служение другим может и должно совмещаться со здоровым чувством самосохранения и даже с преследованием своих интересов, так считают студенты, и этому их мнению противники Достоевского — «разумные эгоисты», могли бы поаплодировать.

С понятием самопожертвования тесно связан мировоззренческий принцип всеобщей ответственности, сформулированный Зосимой в «Братьях Карамазовых»: «Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле». Этот принцип противоречит широко распространенной в США доктрине «личной ответственности», под влиянием которой сформировались многие мои студенты. «Личная ответственность» подразумевает, что каждый индивид есть причина и следствие условий и обстоятельств своей жизни; каждый индивид должен заботиться об удовлетворении своих потребностей и интересов, не рассчитывая на чью-либо помощь, и принимать все последствия (позитивные и негативные) своих поступков. В самом радикальном виде эта жизненная философия отвергает изначальные социальные и биологические разли-

чия между людьми (класс, расу, пол и т.д.) и заявляет, что каждый человек — единоличный кузнец своей судьбы; живущему в бедности некого за это винить, кроме себя. Принцип «личной ответственности» освобождает общество в целом от всякой, помимо мелких подачек, заботы о неудачниках. К тому же приверженцы этого принципа, как правило, видят уголовно-криминалистическую картину в стране в черно-белых тонах, не давая себе труда уяснить социальные причины преступности в Америке. Идеи этой доктрины глубоко укоренены в американской истории и самоощущении нации. Наши культурные мифы изобилуют такими фигурами, как пионер Запада, продвигающийся с винчестером на коленях в своем парусиновом фургоне вглубь неизведанных территорий, или не прогибающийся ни перед чем, твердый, как камень, фермер-одиночка. Американцы читают романы («из грязи в князи») Горацио Алджера³ как руководство к действию, а не волшебные сказки. В прошлом влияние доктрины «личной ответственности» еще как-то смягчалось филантропической деятельностью многих представителей имущего класса, намеревающихся улучшить общество в целом и понимающих, что с тех, кому многое дано, много и спросится. В сегодняшнем культурном климате в США каждый сосредоточен только на себе и своих проблемах; перефразируя Зосиму на американский лад, можно сказать: «Каждый единый из нас виновен только за себя единого».

Не удивительно, что американские студенты с превеликим трудом воспринимают идею всеобщей ответственности в произведениях Достоевского. До них не доходит, почему Дмитрий Карамазов принимает вину за преступление, которого не совершал. Если объяснить им это в контексте христианской любви и самопожертвования в духе Сони Мармеладовой, они спишут все на странности философии Достоевского. Так же, как Иван (и его «двойник» Смердяков), мои студенты готовы повторить риторический каиновый вопрос: «Разве я сторож брату моему?». Они хотят, чтобы Каин, согласно принципу «личной ответственности», признал свою вину, а Дмитрий себя не оговаривал. Я обнаружила, что как ни трудно студентам принять принцип всеобщей ответственности на интеллектуальном уровне, для них это еще трудней на уровне эмоциональном. Иногда говорят, что США и Англия — это две страны, разделенные общим языком; точно так же американские студенты отделены от мира Достоевского общей с русским писателем религией.

Еще один повод для недоумения у студентов возникает тогда, когда они встречаются с упоминаниями Америки в произведениях Достоевского. Как американцам им это, естественно, интересно. Однажды в процессе дискуссии я спросила моих студентов, почему, по их мнению, Свидригайлов перед самоубийством говорит, что уезжает в Америку. Один из студентов высказал догадку, что, поскольку Америка символизирует свободу, самоубийство Свидригайлова — не что иное, как попытка достичь вечной свободы. На первый взгляд это не такая уж бессмысленная гипотеза, ведь некоторые герои Достоевского (Раскольников, Дмитрий Карамазов) в воображении совершают побег в Северо-Американские Штаты, чтобы избежать тюрьмы. Гипотеза, конечно, мгновенно рушится, поскольку персонажи Достоевского задумывают побег ради свободы в буквальном и ограниченном смысле этого слова. Дмитрий в конце концов решительно и в свойственной ему манере отвергает этот выбор: «Вот что я выдумал и решил: если я и убегу, даже с деньгами и паспортом и даже в Америку, то меня еще ободряет та мысль, что не на радость побегу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, может быть, этой! Не хуже, Алексей, воистину говорю, что не хуже! Я эту Америку, черт ее дери, уже теперь ненавижу. Пусть Груша будет со мной, но посмотри на нее: ну американка ли она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной земле затоскует, и я буду видеть каждый час, что это она для меня тоскует, для меня такой крест взяла, а чем она виновата? А я-то разве вынесу тамошних смердов, хоть они, может быть, все до одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого машинисты необъятные какие али что — черт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю, Алексей, русского Бога люблю, хоть я сам и подлец! Да я там издохну!». Инстинктивная ненависть Дмитрия к Америке, его нутряное ощущение, что там он не выживет, усиливает, с точки зрения автора, привлекательность этого персонажа. Его любовь к России, переходящая в любовь к Грушеньке и «русскому Богу», торжествует над его эгоистическим желанием убежать и приводит к тому, что он приемлет свою судьбу. В этой связи Америка означает плен и порабощение, а отнюдь не свободу.

И в самом деле, Америка у Достоевского представляет самые отвратительные черты современной жизни: мелкий материализм, духовное банкротство, эксплуатацию⁴. Американские студенты,

привыкшие думать о своей стране как о светочке всего цивилизованного мира, возделенной земле обетованной для иммигрантов из всех стран, вместилище свободы и неограниченных возможностей, часто не узнают Америку в произведениях Достоевского. И хотя наши сегодняшние двадцатилетние принимают позу умудренных жизнью циников по отношению к чему угодно, — они остаются инстинктивными патриотами своей страны. Их цинизм гораздо меньше удивляет меня, чем их патриотизм; цинизм в конце концов в определенной степени всегда был свойствен юности, но за патриотизмом моих студентов скрывается их ничем не объяснимый идеализм. Хотя все американцы — патриоты по традиции, старшие поколения привержены этому чувству в большей степени, чем младшие⁵. По моим наблюдениям, однако, сегодняшним американским студентам совершенно чужд критический взгляд на их страну, они лоялисты, готовые одобрить все, что их страна делает. Возможно, молодому поколению американцев, выросшему в тени событий одиннадцатого сентября и последующих войн, особенно свойствен инстинктивный национализм и даже осадная ментальность. Разумеется, они в курсе того, что многие действия США вызывают критику извне, но они отмахиваются от этой критики как от выражения ничем не обоснованных антиамериканских чувств. Читая Достоевского, они точно так же относятся и к его взгляду на Америку.

Несмотря на почти непроходимую полосу препятствий, отделяющую американских студентов от художественного мира Достоевского, в целом они воспринимают его произведения с интересом и энтузиазмом. По моим, хотя и не основанным на строгой статистике, наблюдениям из русских писателей девятнадцатого века у них подобный энтузиазм вызывает только Лермонтов. Это меня как раз не удивляет: ведь Печорин — идеальное воплощение погруженного в себя молодого человека, уверенного в своей исключительности и в то же время испытывающего к некоторым чертам своего характера отвращение, не говоря уж о разочарованности во всех окружающих. К тому же энергия и динамизм сюжета «Героя нашего времени» движут повествование. Но чем двадцатилетних американских студентов привлекает Достоевский? Отчасти мастерским владением саспенсом и нарративом. Но в большей степени тем, что он обращается к проблемам выбора и свободной воли, страдания и морали, с которыми студенты, возможно, в пер-

вый раз сталкиваются во взрослой жизни. При этом Достоевский не тот писатель, который помогает нам жить в мире с собой и укрепляет нашу веру в себя. Наоборот, мы часто внутренне съеживаемся, наблюдая за тем, что делают его герои. Невозможно, к примеру, читать сцену обеда Подпольного человека с его бывшими одноклассниками без содрогания: он расхаживает по ресторанной зале без остановки, на одном уровне сознания порываясь установить связь с присутствующими, но, не в состоянии этого сделать, предпочитает оттолкнуть их, чтобы они первыми не отвергли его, и они в результате начинают игнорировать Подпольного, желая, чтобы он поскорее ушел. Достоевский не позволяет читателю отвести взгляда от этой сцены; мы переживаем каждый момент унижения и стыда, как будто сами испытываем все это. Вот в чем дело: невозможно не идентифицировать себя с персонажами Достоевского, невозможно не переживать их выбор как свой собственный!

Я недавно узнала о существовании в Сиэтле музыкальной группы «Иван и Алеша»; один из музыкантов в интервью объяснил решение назвать группу в честь двух братьев Карамазовых так: «А мы до какой-то степени и есть эти двое; мы двое парней в одной группе, мы как братья. И нам нравится, что те двое такие разные. Один такой как бы духовный, а другой атеист. И нам интересно, как там все между ними складывается»⁶. Для моих студентов тоже, может быть, именно в этом и состоит привлекательность произведений Достоевского. Как люди в переходном возрастном периоде, они остро ощущают противоположности своих внутренних личностей: Подпольный человек и Лиза, Раскольников и Соня, Иван и Алеша, атеист и «такой как бы духовный». Достоевский поворачивает зеркало в нашу сторону, чтобы мы внимательно посмотрели на себя, он создает вокруг нас напряженное поле потенциальных возможностей и предлагает нам свободу выбора.

Примечания

¹ Terras V. The Young Dostoevsky (1846—1849). — The Hague: Mouton, 1969. — P. 85.

² Carol Apollonio рассуждает схожим образом: «Самопожертвование Свидригайлова дает Раскольникову возможность быть самим собой, потому что со смертью потенциального свидетеля обвинения убийца свободен в своем выборе совершить добровольную искупительную явку с по-

винной» (**Apollonio C.** Dostoevsky's Secrets: Reading Against the Grain. — Evanston: Northwestern University Press, 2009. — P. 82.)

³ Горацио Алджер (Horatio Alger, Jr., 1832—1899) — плодовитый американский писатель, выпустивший несколько дюжин романов для юношества. Каждый роман Алджера построен на одном и том же сюжете: бедный мальчик из социальных низов, благодаря упорному труду, целеустремленности и твердости своего характера, достигает благосостояния и становится уважаемым представителем среднего класса.

⁴ На отношение Достоевского к Америке в числе прочих факторов, вероятно, повлияла напечатанная в «Современнике» еще в 1836 г. статья Пушкина «Джон Теннер», где автор, имея в виду книгу Алексиса Токвиля «О демократии в Америке», пишет: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами». (**Пушкин А.С.** Собрание сочинений в пяти томах. — СПб.: Библиополис, 1994. — Т. 5. — С. 364).

⁵ Социологический опрос, проведенный в США в 2006 г., показал, что 74 % респондентов возрастной группы от 50 лет и старше считают себя убежденными американскими патриотами; в возрастной группе от 35 до 49 лет таковых 60 %; в группе от 18 до 34 лет только 32 % респондентов определили себя как американские патриоты. (См.: http://www.aarp.org/politics-society/government-elections/info-2006/patriotism_2006.html).

⁶ Интервью с Tim Wilson, <http://www.spinner.com/2010/03/07/sxsw-2010-ivan-and-alyosha/>.